

На правах рукописи

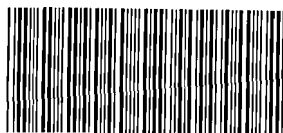
Красавина Екатерина Валерьевна

**МОЛОДЕЖЬ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ИМИТАЦИОННЫЙ МЕХАНИЗМ АДАПТАЦИИ**

22.00.06 - социология культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора социологических наук

005541986

5 ДЕК 2013

**Майкоп
2013**

Работа выполнена на кафедре философии и социологии
ФГБОУ ВПО «Адыгейский государственный университет»

Научный руководитель: доктор социологических наук, профессор,
профессор кафедры государственного и муниципально-
го управления Южно-Российского института – филиала РАНХ и
ГС при Президенте Российской Федерации
Сологуб Владимир Антонович

Официальные оппоненты: член-корреспондент РАН,
доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник Института философии РАН
Дмитриев Анатолий Васильевич

доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН
Андреев Эдуард Михайлович

доктор социологических наук, профессор,
заведующая кафедрой социальных коммуникаций и технологий ФГАОУ ВПО
«Южный федеральный университет»
Денисова Галина Сергеевна

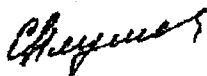
Ведущая организация: **ФГБОУ ВПО Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова**

Защита состоится «24» декабря 2013 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д.212.001.05 при ФГБОУ ВПО «Адыгейский государственный университет»: 385000, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208, Конференц-зал по социологическим наукам.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в научной библиотеке Адыгейского государственного университета. Текст автореферата опубликован на сайте Высшей аттестационной комиссии (ВАК) <http://www.vak2ed.gov.ru/> и на сайте ФГБОУ ВПО «Адыгейский государственный университет» <http://www.adygnet.ru> «24» сентября 2013 г.

Автореферат разослан «15» ноября 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

С.А. Ляшова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Универсально актуальной проблемой любого общества в любой исторический период остается социализация молодого поколения. Выступая по отношению к индивиду как сложившаяся совокупность объективных структур, общество формирует индивида, его предпочтения и когнитивный стиль, мотивацию, нормативно-ценностные установки, задает характер его социальных практик. Оно принуждает индивида систематически и целенаправленно строить свои действия на принятой нормативно-ценностной базе, и внедряет в его психологию в процессе социализации те или иные нормы и ценности. Поступая в соответствии с интериоризированными нормами и ценностями, индивид в дальнейшем объективно способствует своими действиями укреплению установленного нормативного порядка. Результатом процесса социализации, таким образом, становится оптимальная подготовленность индивида к жизни и деятельности в соответствии с требованиями и ожиданиями общества, то есть достигается его социальная адаптированность.

Описанная схема не эффективна в условиях социальных кризисов и трансформационных изменений, что и демонстрирует опыт функционирования российского общества в последние десятилетия. Радикальные системные преобразования 90-х годов XX в. вызвали аномию и кризис социальных институтов. За прошедшее время выросло поколение, проходившее этап формирования своих жизненных установок при отсутствии в обществе единых ценностей, девальвации жизненных результатов, социального опыта и моделей поведения поколения родителей. Исследования показывают, за это время в обществе сложилась и стала широко распространенной стратегия аберрантного поведения, когда индивид готов использовать для достижения своей цели любые, в том числе и противоправные, способы, допускает возможность действий, идущих вразрез с моральными и правовыми нормами. Между тем, стабилизация политической системы, выход страны из системного кризиса в начале «нулевых» годов внесли изменения в процессы формирования молодого поколения. Отечественные социологи Левада-Центра, отслеживающие тенденции социокультурной динамики российского общества, определили эту молодежную когорту как «постаномическое поколение», которому харак-

терны «узость смыслового горизонта», «самодовольство, возникающее, помимо прочего, благодаря сравнительно невысокому потолку притязаний и относительной доступности средств их осуществления при отсутствии больших идей и перспектив».¹

Наблюдения подобного рода обнаруживают новый пласт осмысления социального состояния и перспектив современного поколения молодежи и побуждают к введению в исследовательский оборот новых, более актуальных, понятий и концепций. Так, в последнее время в научном дискурсе все чаще используется понятие «имитация». Ж.Т. Тощенко отмечает, что характерной особенностью современной общественной жизни стали «процессы, которые отражают подмену деятельности во всех ее проявлениях имитацией как на всех уровнях организации общественной жизни – на федеральном, региональном и местном, так и во многих организациях и даже в личном исполнении».²

Имитационная деятельность имеет специфический общественный характер с неопределенными последствиями, поскольку она не направлена на созидание и творчество: это «процесс симулятивной деятельности, создание замещающих или представляющих социальных конструкторов, критерием которых выступает эффектность, но не эффективность...».³ Подобного рода деятельность перемещается преимущественно в сферу визуальных форм: презентаций, выставок, митингов, театрализации и т.д., чему в значительной степени способствует медиатизация всех сфер социальной жизни. При этом, в медийном пространстве искажаются предметные смыслы объективной реальности, они подменяются желаемыми конструктами. Организаторами этого пространства выступают элитные группы, тогда как широкие социальные общности оказываются вытесненными на периферию трансформационного процесса на роль «зрителей». Описанная ситуация представляет собой социокультурный контекст, в котором происходит социализация молодежи. Социальная реальность при активном воздействии СМИ в значительной степени воспринимается как условная, «игровая», виртуальная. Успешная жизнедеятельность в ней требует от индивида специальных усилий, направленных

---

¹ Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Молодежь России. М.: Моск. школа полит.исследований. 2011. С.11.

² Тощенко Ж.Т. Новые лики деятельности: имитация // Социс. 2012, № 12, с. 23.

³ Волков Ю.Г. Социальная имитация в контексте социальных трансформаций. Ростов н/Д.: Изд-во «Антей». 2011. С.4

ных на приспособление к объективно существующему порядку вещей, адаптации.⁴ Социально неадаптированная личность не может ни полноценно вписаться в социальную среду и жить в ней, не испытывая дискомфорта и депривации; ни строить свои повседневные, востребованные и принятые обществом практики.

Признание значительным числом экспертов имитационного характера функционирования многих основных социальных институтов обуславливает постановку проблемы изучения адаптации молодежи к ним и прогнозирования социальных последствий такой адаптивности. Можно предположить, что адаптация к имитационным институциональным практикам будет носить также имитационный характер. Пока на этот вопрос не имеется сколько-нибудь развернутого ответа. Одна из главных причин этого заключена в недостаточной разработанности теоретического концепта социальной имитации, отсутствии «выверенного терминологического аппарата, посвященного сущности имитации и различным социально значимым практикам ее воплощения».⁵ Добавим сюда отсутствие социологической операционализации данного понятия применительно к изучению имитационного механизма адаптации молодежи. Более того, социологически некорректно рассматривать молодежь как некую целостность: так же, как и общество в целом, современная молодежь дифференцирована по территориальным, материальным и социокультурным характеристикам. Имитационный механизм адаптации реализуется какой-то из социальных подгрупп молодежи. Прогресс в научной разработанности проблемы социальной имитации сопряжено с выявлением, накоплением и систематизацией эмпирического материала, выступающего необходимой исследовательской базой для теоретического анализа и обобщений.

Наряду с теоретической актуальностью, исследование поставленной проблемы имеет высокую социально-практическую актуальность. Она обуславливается необходимостью достижения консолидации всех слоев общества, в том числе усилением интеграционных межпоколенческих связей, для стабилизации российской социокультурной системы.

---

⁴ Корель Л.В. Социология адаптации: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука. 2005. С.39.

⁵ Шалогина Т.А. Имитация в современном российском обществе: сущность, субъекты воздействия, социальное пространство проявления» // Автореферат на соиск. учен.ст. доктора философ. наук. Ростов н/Д., 2012. С.4.

Степень научной разработанности темы исследования. Избранная тема находится в исследовательском поле социологии и социальной философии: она предполагает эмпирическое изучение имитационных практик, осуществляемых в рамках базовых институтов, определяющих формирование социального пространства социализации и адаптации молодежи, а также общее теоретическое осмысление понятия «имитация», недостаточно разработанного в современной российской науке. Характеризуя имеющиеся по данной теме научные работы, обратим внимание на теоретико-методологический и эмпирический фундамент, который обеспечивает возможность предложить адекватную стратегию исследования заявленной проблемы.

Первую группу источников составляют фундаментальные работы в сфере современной социальной философии, представители которой занялись проблематикой имитации и симуляции в общественной жизни уже во второй половине XX в. В трудах Ж. Бодрийяра, Ж. Делёза, Ж. Деррида, Ф. Гваттари, Э. Ги Дебора, И. Гофмана, Г. Маклюэна уделяется значительное внимание симулятивному и манипулятивному характеру современной массовой культуры, порождающей и использующей имитирующие смысл пустые образы – симулякры, выступающие убедительными заместителями реальности. Отмеченные нами авторы рассматривают имитацию как явление, сущностное для современности и неизбежное, а также не привязанное в своем генезисе ни к какому конкретному обществу. Концепция роли симулякра в современной культуре исследуется, главным образом, в рамках семиотического подхода к культуре, применительно к содержательным и формальным аспектам знака как сущностного элемента культуры. Психологические и социально-психологические основания распространения имитационных практик в обществе массового потребления исследованы в трудах Т. Адорно, Г. Маркузе, К. Хорни и др.

В классической социологической мысли Запада понятие «имитация» используется в значении «подражание» и в этом значении рассматривается как важнейший механизм социализации (Э. Дюркгейм). В социологической постклассике эту линию продолжает структурный функционализм, отмечаящий значимость содержательного воспроизводства культурных образцов для легитимации социального порядка. Однако ни Дюркгейм, ни его более поздние последователи-функционалисты, вплоть до Т. Парсонса, не обратили

внимания на возможность такой ситуации в обществе, когда воспроизводится только пустая форма культурных образцов, то есть имитация осуществляется как симуляция. Если в рамках традиции функционализма ценности и культурные образцы мыслятся исключительно в единстве содержания и формы – как феномены, ориентирующие индивидов на безусловное служение, то исследование имитации, как воспроизводства формы, требует обращения к иным представлениям о социальной практике, разработанным в теории обмена Дж.Хоманса и П. Блау и в социологической теории конвертации символического капитала П. Бурдьё. Указанные социологи не пользуются непосредственно понятием «имитация», но разработанное ими представление об обмене и конвертации, как принципе организации социальных практик дает возможность развить представления о механизмах имитационного поведения как способа адаптации.

Отечественная социально-философская и социологическая мысль несколько иначе подошла к необходимости выделения феномена имитации в значимый предмет анализа. В современной отечественной социальной философии теоретический анализ социальной имитации как феномена организации общественной жизни и типа социальных практик осуществлен в трудах А.А.Зиновьева, Ж.Т.Тощенко, Ю.Г.Волкова, Т.А.Шалюгиной и др. При этом А.А.Зиновьев рассматривает имитацию как «...сознательные действия людей по созданию объектов-имитантов (то, что имитирует подлинник)».⁶ Ж.Т.Тощенко, первоначально описывает социальные явления, форма которых разительно не соответствует содержанию, и использует при этом категорию «кентавризма».⁷ Позже он вводит и само понятие имитации, которая понимается им как «*подделка, правдоподобие*, причем нередко (но не только) умысленная, с целью ввести в заблуждение или скрыть истинные намерения инициаторов псевдодеятельности».⁸ Ж.Т.Тощенко обрисовывает всеобъемлющий характер этого феномена и его проникновение во все сферы функционирования общества. В названном русле социально-философского анализа находится и Т.А.Шалюгина, также определяющая имитацию как подмену предметно-смысловой реальности ее символично-симулякрическим репрезентантом, при этом основное внимание она уделяет вскрытию роли имитаци-

⁶ Зиновьев А.А. Фактор понимания. М.: Алгоритм, Эксмо, 2006.

⁷ Тощенко Ж.Т. Кентавр-проблема. Опыт философского и социологического анализа: монография. М.: Новый хронограф, 2011. С. 208.

⁸ Тощенко Ж.Т. Новые лики деятельности: имитация // Социс, 2012 № 12, С. 24.

онной составляющей в интерпретации исторической реальности в процессе самопозиционирования власти.⁹

Обобщающие выводы теоретиков социально-философского анализа однозначно указывают на главного субъекта социально-имитационных практик – институционально оформленную политическую власть. Далеко не случайно наиболее обширная исследовательская литература, так или иначе выходящая на анализ имитационных практик, накоплена в современной российской политической философии и политологии, рассматривающих различные аспекты презентации современной власти. Так, в работах известных российских политологов Е.В. Барышевой, О.В. Гаман-Голутвиной, А.А. Дегтярева, А.Ю. Мельвиля, В.Б. Пастухова раскрывается историческое становление различных форм позиционирования власти и формирование на этой основе технологий конструирования нужного образа власти, которое выступает в то же время и механизмом конструирования социальной среды в целом. Широко известны также работы С.Г. Кара-Мурзы, описывающего и анализирующего технологии манипуляции, позволяющие утверждать желаемые образы власти. Он объясняет также зависимость расширения имитационных практик от постепенного сужения поля рациональности.

В нашем обзоре мы коснулись наиболее значимых социально-философских позиций, с которых рассматриваются современные имитационные практики. Поскольку непосредственной темой данного исследования является имитационное поведение молодежи, далее мы перейдем ко второй группе источников, которую составляют работы, рассматривающие проблемы социализации молодежи и ее интеграции в институциональную и социальную структуру общества. Исследование социализации молодежи в отечественной науке имеет давнюю традицию, связанную с работами И.С. Кона, С.Н. Иконниковой, И.М. Ильинского, В.Т. Лисовского, М.Х. Титмы, В.И. Чупрова. Работы названных авторов, относящиеся к 70-80-е гг. XX в., акцентировали преемственность поколений, а сама молодежь рассматривалась, скорее, как объект синхронного воспитательного воздействия социальных институтов – семьи, образования, государства. Однако во второй половине 90-х гг. наметилась критика обнаружившейся «мировоззренческой неустойчивости» определенной части молодежи, роста ее гедонистических установок, отмечено и исследовано формирование различных субкультурных

---

⁹ Шалюгина Т.А. Указ.соч.

групп. В этом плане следует отметить работы В.Ф. Левичевой, В.А. Печенева, В.А. Писарева, В.В. Семеновой, З.В. Сикевич и др. В указанных исследованиях молодежь рассматривается как потенциальный, а не реальный субъект социальных изменений. С конца 90-х гг. минувшего века в исследованиях проблем молодежи начинает преобладать установка на выявление различных форм проявления реальной социальной субъектности этой социально-демографической группы. Наряду с критически-сострадательным аспектом анализа – исследованием форм девиантного и делинквентного поведения, молодежной безработицы и др., – активно изучаются структурные изменения в данной социальной группе: неравномерный характер социализации, сокращение численности молодежи, растущая инфантильность и зависимость от родителей, удлиннение сроков образования, растущее разочарование в социально-политической активности и пр. Этот реалистический подход характерен для работ Д.Л. Константиновского, В.Т. Лисовского, Ф.Э. Шереги, В.Н. Шубкина, которые, опираясь на обширные эмпирические исследования, рассматривают проблемы молодежи в контексте структурно-функционального анализа трансформаций российского общества. Рискологический подход к рассмотрению социальных позиций и субъектности молодежи представлен в работах В.И. Чупрова, Ю.М.Зубок, которые рассматривают проблему социальной эксклюзии молодежи. Эта ситуация возникает в условиях растущей социальной неопределенности, которая выступает основой социального конфликта молодежи и общества. На уровне региональных исследований эта проблема нашла отражение в работах Т.И. Афасижева, Г.С. Денисовой, А.В. Денисовой, Е.С. Куква, А.П. Михайлова, А.Ю. Муляр, И.А. Петрулевич, В.Т. Филоненко, А.Ю. Шадже и др.

В работах Ю.А.Зубок, Д.Л.Константиновского, В.И.Чупрова, Ф.Э.Шереги раскрывается зависимость успешности социализации молодежи и ее адаптации к условиям «взрослой» жизни от стартовых ресурсов, а именно материального положения семьи, ее культурного капитала, типа и региона поселения.¹⁰ В работах этих исследователей проводится идея зависимости эффективности социализации молодежи от состояния и качества функциони-

---

¹⁰ Зубок Ю.А. Феномен риска в социологии. Опыт исследования молодежи. М., 2007; Константиновский К.Д. Константиновский Д.Л. Неравенство и образование. Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы – начало 2000-х). – М.: ЦСП, 2008.

рования социальных институтов – семьи, образования, экономики. Вместе с тем, основное внимание уделяется исследованию стратегии успешной социализации или состоянию социально-депривированных подгрупп молодежи. Жизненные стратегии промежуточной подгруппы, не обладающей достаточным социальным ресурсом для проявления четко выраженного активизма, избравшей пассивно-выжидательную позицию, редко выступают самостоятельным предметом исследования. Изучение социальной адаптации этой части молодежи требует рассмотрения влияния на нее трансформации базовых для молодежи социальных институтов – образования и политики, характер функционирования которых в значительной степени обуславливает выбор адаптационных стратегий.

Третью группу источников составляют исследования трансформации института образования под влиянием рыночных преобразований и вступления России в Болонский процесс. Из всего массива исследований, посвященных трансформации института образования в России, в качестве опорных были выбраны работы Э.Д. Днепров, В.Г. Кинелева и Д.В. Ливанова, каждый из которых, возглавляя министерство образования РФ, имел непосредственное отношение к реформированию образования. Другой пласт источников этой группы посвящен аналитическим исследованиям процесса институциональных трансформаций системы образования. Эту группу составляют работы Л.А. Беляевой, О. Бочаровой, Ф.Г. Зиятдиновой, К.Д. Константиновского, Т.Л.Клячко, О.Л.Лейбович, С.А. Ляшовой, Ю.Н. Толстовой, Н.В. Шушковой, Р.Д. Хунагова, А.Ю. Шадже.

Однако, несмотря на показанное нами в обзоре обилие и разнообразие исследовательских источников по социальным проблемам молодежи, ее социализации и адаптации, практически неизученной остается выбранная нами тема – имитационные практики современной российской молодежи как стратегии социальной адаптации. Поскольку понятие имитации и связанные с ним феномены стали изучаться в отечественной литературе весьма недавно, и, главным образом, в предметном поле социальной философии, на уровне наиболее общего анализа, все еще полностью отсутствуют социологические исследования, направленные на изучение конкретных групп, практикующих имитацию в адаптационных целях. В частности, остается белым пятном имитационное поведение современной российской молодежи, что делает теоретически актуальным исследование этой темы.

Цель исследования заключается в выявлении специфики, структуры и механизмов социальной имитации как типа адаптационного поведения современной российской молодежи.

Для достижения этой цели необходимо решение следующих **задач**:

- выявить различие между социализацией и адаптацией как процессами культурной интеграции молодежи в общество и обосновать специфику адаптационного поведения;

- обосновать критерии выделения в составе российской молодежи возрастной подгруппы, практикующей в целях социальной адаптации имитационное поведение;

- вскрыть сущностные характеристики имитации как формы адаптационного поведения, позволяющей субъекту достигать социальной успешности;

- выявить специфику экономической среды, стимулирующей выбор имитационного поведения в качестве стратегии адаптации;

- установить характеристики социокультурной среды, способствующие распространению имитационного поведения в порядке адаптации;

- выявить стратификационные факторы обращения российской молодежи к имитации как форме социальной адаптации;

- раскрыть основные институциональные изменения, осуществленные в рамках трансформации современной российской системы образования и обусловившие специфику ее сегодняшнего влияния на молодежь;

- очертить реальное состояние российской системы среднего и высшего образования в процессе реформирования как среду, принуждающую учащуюся молодежь к адаптации;

- выявить механизмы имитационного поведения учащейся молодежи как формы адаптации к практикам взаимодействия в образовательных учреждениях;

- проанализировать динамику трансформации российского политического пространства как социокультурного контекста формирования у молодежи ценностных установок, мотивирующих гражданское участие;

- исследовать динамику становления гражданского общества в России как фактора, генерирующего культурные смыслы социальной активности;

- вскрыть факторы и механизмы поведения молодежи, имитирующего культурные нормы гражданского активизма.

Объектом исследования являются практики адаптации современной российской молодежи.

Предмет исследования составляют факторы выбора и механизмы реализации современной российской молодежью имитационного способа социальной адаптации к прагматическому социокультурному контексту.

Гипотеза исследования. В современном российском обществе, как и во всех обществах, подвергающихся институциональной трансформации, изменения среды повседневных социальных практик значительно опережает изменения в области ценностно-культурных и нормативных установок. В силу этого институты, осуществляющие социализацию молодежи, утрачивают эффективность, поскольку ориентируют на интериоризацию норм и ценностей, уже не регламентирующих текущие социальные практики. Возникает лаг между содержанием социализации и потребностями повседневного выживания и продвижения в обществе, который восполняется собственными усилиями молодых акторов, вынужденных адаптироваться к социальной реальности. Можно предположить, что социокультурная среда современного информационного общества провоцирует индивида на перенос центра внимания с содержания деятельности на ее форму, с «быть» на «иметь», с присвоения глубинного содержания культуры – ценностей, идеалов, долгосрочных жизненных стратегий – на ее имитацию, конструирование культурной инсценировки, присвоение знака. Подобный тип адаптации можно определить как имитационный (имитативный). Поскольку жизнедеятельность молодежи концентрируется, преимущественно, в системе образования, а также, в той или иной степени, в сфере публичной, гражданской активности, постольку можно предположить, что именно в этих сферах жизнедеятельности молодежи можно выявить и описать имитативный тип адаптации. Составной частью данной гипотезы выступает предположение, что запуск механизма имитативной адаптации обуславливается спецификой функционирования базисных институтов общества – политических и экономических, трансформация и дисфункциональность которых определяет искажение социокультурного пространства социализации молодежи.

Теоретико-методологическая основа диссертационного исследования предопределена поставленными целью и задачами. Поскольку в задачи исследования входит анализ имитации как специфической поведенческой позиции по отношению к ценностям и образцам социетальной культуры, теоре-

тико-методологической базой работы послужили труды и идеи классики и постклассики функционалистской парадигмы (от Э. Дюркгейма до Т. Парсонса и Р. Мертон), в которой социальная культура рассматривается с точки зрения ее ключевых для выживания общества функций: морально-ценностной легитимации и социокультурного воспроизводства общества. В то же время, исследование структуры имитации как специфического отношения между формой и содержанием культурного символизма предполагает обращение к понятию симулякра и в целом к методологии структуралистской семиотики культуры – к идеям Ж. Бодрийяра, Р. Якобсона, Ж. Деррида, Ж. Делеза и др.

Одним из методологических компонентов, необходимых для решения задач, поставленных в диссертации, является введение оппозиции между символическим и прагматическим принципами организации социокультурного контекста социальных практик. Если символическая культура требует от индивида бескорыстного служения ценностям, рассматриваемым как абсолютные, то прагматическая культура предполагает обмен благами между индивидами и конвертацию благ между собой по рациональному выбору индивида. В этой связи возникла необходимость обратиться к идеям теории обмена Дж. Хоманса и П. Блау, а также к концепции конвертации экономического и культурного капиталов П. Бурдьё.

Ряд общих методологических положений, касающихся исследования социальной имитации в современном российском обществе, разработаны Ж.Т. Тощенко и использованы в настоящем исследовании, например, идея социальной, институциональной, политической обусловленности имитационных практик.

Поскольку в диссертации имитационное поведение рассматривается как форма социальной адаптации, важное методологическое значение для решения поставленных задач оказали исследования по социальной адаптации – в частности, работы Л.В. Корель, где дается определение и классификация адаптационного поведения и исследуются его механизмы.

Ввиду того, что изучаемым в диссертации социальным субъектом является современная российская молодежь, теоретико-методологическую канву диссертации составили современные исследования отечественных авторов по социологии молодежи, в частности, посвященные поведению молодежи в условиях социальной неопределенности и риска (В.И. Чупров, Ю.А. Зубок).

Эмпирическую базу исследования составляют результаты авторского социологического исследования образовательных практик студентов в различных вузах г. Ростова-на-Дону в период реформирования системы высшего образования, в ходе которого были проведены глубинные интервью (N = 18); контент-анализ страниц пользователей в социальных сетях Интернета на предмет обсуждения эффективности ЕГЭ (N = 115); пилотный анкетный опрос студентов 1-2 курсов различных вузов г. Ростова-на-Дону по проблемам социально-политических ориентаций и гражданского участия (N = 720). Выборка дифференцирована по профессиональной специализации студентов, которая гипотетически определяет разную степень включенности в сферу гражданской активности и освоение профессии: 9,2% составили студенты-юристы; 44,8% – студенты по направлению государственного и муниципального управления; 46% – студенты не юридических и не административно-правовых специальностей.

Для разработки сопоставимого инструментария и сравнительного анализа эмпирических данных в работе были использованы материалы мониторинговых исследований гражданской активности и общественного мнения Левада-Центра (совместно с ГУ ВШЭ, 2006 г. N= 3000 чел. в возрасте от 18 лет и старше, проживающих в 100 населенных пунктах 44 регионов РФ.; общероссийский опрос городской молодежи в апреле 2011 г. N= 1600 чел.); ВЦИОМ (октябрь 2003 г. N=1600 чел. в 38 регионах РФ; ноябрь N=1600 чел. в 39 регионах РФ); ИКСИ РАН (июнь 2003 г. N=1750 чел. в 11 регионах РФ).

Данное диссертационное исследование содержит следующие элементы **научной новизны:**

- доказано, что ускорение социальной динамики в периоды трансформации общества приводит к возникновению культурного лага между нормативным содержанием социализации и социальной практикой, что делает социализацию малоэффективной и обуславливает потребность в интенсивной стихийной адаптации акторов к изменившимся средовым и институциональным условиям;

- показано, что в условиях динамичных социальных изменений в наиболее уязвимой ситуации оказываются молодежные группы формативного периода, что обуславливает выделение этого возрастного статуса;

- введено в оборот понятие имитация-симулякр, обозначающее модель адаптационного поведения, предполагающего отчужденно-формальное вос-

производство индивидами заложенных в ходе социализации ценностей и ролевых норм как необходимое условие прагматического обмена на социальный статус и потребительские блага;

- установлено, что теневизированная среда повседневных социальных практик проявляется через удвоение реальности на презентационную официальную среду и среду неформальных обменов, в силу чего адаптация к ней с необходимостью включает имитативно-презентационную часть и осуществляется в форме имитационного поведения;

- выяснено, что институты социокультурного воспроизводства современного российского общества в настоящее время транслируют, главным образом, отчужденную от содержания презентационную форму социетальных ценностей; повседневные прагматические мотивации акторов облачаются в форму имитации следования терминальным социоцентрическим ценностям;

- показано, что сосуществование сословно-корпоративной и рыночной систем распределения социальных статусов вызывает деформации каналов восходящей социальной мобильности – экономической, политической и профессиональной, становящиеся фактором выбора молодежью имитационного поведения как модели адаптации;

- установлено, что реформирование современной российской системы образования вызвало объективные институциональные изменения, способствовавшие отчуждению преподавательского труда, утрате духовного измерения отношений между учителем (преподавателем) и учеником (студентом), акцентированию функции воспроизводства системой образования социального неравенства;

- выяснено, что как в школе, так и в вузе сложившиеся неформальные правила взаимодействия основных акторов образовательного процесса стимулируют к адаптации через обращение к имитационным практикам;

- выявлено, что на основе данных эмпирического социологического исследования, имитация обучения студентов проявляется через практики взятки и сговора, обеспечивающие соблюдение внешней формы обучения при отчуждении от ее реального содержания;

- установлено, что ограничение в современном российском обществе пространства реальной демократии и презентационный характер функционирования демократических политических институтов являются объективным

фактором выбора молодежью имитационного поведения как формы адаптации к состоянию гражданской и политической сфер;

- выяснено, что в современном российском обществе сохраняется синдром социального недоверия, обусловленный имитативным характером демократии при растущем контроле власти за обществом, проявляющемся в конструировании формальных гражданских структур, призванных имитировать возможности гражданского участия и потому не стимулирующих рост доверия к государству со стороны молодежи;

- на основе данных авторского эмпирического социологического исследования показано, что большинство студенческой молодежи выбирает в гражданской и политической сферах адаптационную стратегию имитационного типа: декларативно практикуя внешние формы гражданского участия, молодые акторы не мотивированы его ценностными смыслами.

Указанная научная новизна находит конкретизацию в следующих **положениях, выносимых на защиту:**

1. Общим условием взросления всех когортных подгрупп молодежи в период социальной транзycji, является низкая эффективность официальных институтов социализации. Разрушение социетального единства ценностей в процессе трансформации общества привело к тому, что прежние ценности перестали работать как действующий элемент когнитивных установок и мировоззрения, что сделало социализацию в системе образования, в качестве подготовки к реальной жизни, неэффективной. Радикально изменившаяся социальная среда создает иные критерии социальной успешности и предлагает иные условия для ее достижения. Это провоцирует молодежь на поиск способов и форм приспособительного социального поведения, эффективных в данной социальной среде. Адаптация стихийно компенсирует зазор между нормами, интериоризированными в процессе социализации, и запросами социальной среды, возникший в результате изменения и усложнения ролевых требований, ускоренного обновления норм.

2. Интенсивность социальных изменений в России в период 90-х гг. XX в. – нулевого десятилетия XXI в. создала относительно разные условия прохождения теми или иными когортными подгруппами молодежи социализации. Противоречие высокой динамики социальных процессов и консерватизма институтов социализации, в условиях которого происходит выбор юношеством (17-23 лет) жизненной стратегии, обуславливает неготовность этой

подгруппы молодежи к условиям изменившейся социальной реальности, требует от них поиска самостоятельных адаптационных практик, что и обуславливает выделение этой подгруппы (формативного периода) в качестве особого возрастного статуса.

3. Распространенной в современном российском обществе формой адаптационного поведения молодежи формативного периода является внешняя демонстрационная причастность к символическому контексту воспитавшей его социальной культуры, при выборе целеполагания, которое находится за его пределами и вписано в прагматику обменных отношений повседневности. Выделенное сущностное содержание такого вида адаптации позволяет определить ее как симулятивную имитацию. Имитация-симулякр практикуется в условиях общей девальвации базовых ценностных установок общества, когда воспроизводство в поведении усвоенных в ходе социализации нормативных образцов само по себе уже зачастую не обеспечивает социальной успешности, однако остается необходимым и сохраняется как внешнее ритуальное оформление повседневных социальных практик. Выбор данного вида адаптации рассматривается имитирующим актором как своего рода символический капитал, способный конвертироваться в обменных практиках и использоваться в индивидуальных достижительных целях.

4. Наибольшее влияние на выбор молодежью имитационных практик адаптации оказывает специфика экономической среды транзитивного российского общества, которая характеризуется слабостью формальных регулирующих норм и при институционализации и доминировании неформальных (теневых) траекторий обменных взаимодействий. Повседневные практики регулируются неформальными правилами игры и представляют собой не ограниченные институционально иллегальные обмены, прикрытые презентационным соблюдением формальных норм. Официальный порядок и его институты оказываются обесцененными и избыточными на практике. Вместе с ними, обесцененным, избыточным и депремированным оказывается социально-ценностно-ориентированное поведение, на которое настраивает социализация. Среда, напротив, востребует и вознаграждает прагматический конформизм участников иллегальных обменов, тем самым демонстрируя молодежи реальные критерии социальной селекции. Вместе с тем, адаптация к теневизированной среде обязательно включает в себя и имитативно-презентационную часть: социальный успех индивида обеспечивается не

только участием в тепловых обменах, но и деятельностью по имитации социоцентрического поведения и следования официальным нормам.

5. Социокультурная среда постсоветского пространства характеризуется презентационным характером ценностного единства российского общества, за которым скрывается девальвация социоцентризма, плюрализация ценностей, и рост индивидуализма. В реальных мотивациях акторов доминируют индивидуалистические ценности-средства, но они маскируется имитацией социоцентризма в ритуальном почитании гражданских, религиозных, политических ценностей. Сформированный в позднесоветский период тип социальной личности, в публичной сфере имитирующей приверженность идеологическим ценностям, а в частной жизни их отрицающей, стал моделью эффективной формы адаптации. Неэффективность и дисфункциональность институтов социокультурного воспроизводства, транслирующих отчужденную форму социетальных ценностей, вносит свою лепту в распространение этой модели. В результате молодые граждане страны воспринимают презентационное состояние социетальных ценностей как норму жизни и объективный факт, с которым необходимо считаться в повседневных практиках.

6. Сосуществование сословно-корпоративной и рыночно-экономической систем стратификации в трансформирующемся российском обществе деформирует критерии и каналы восходящей вертикальной мобильности. Рыночно-экономический компонент создает иллюзию равенства возможностей и видимость наличия в обществе механизмов ее реализации. Кроме того, он способствует формированию и распространению достигательных мотиваций, прежде всего, по отношению к материальному достатку, повышает ранг материальных ценностей, превращая их в универсальный критерий жизненного успеха. Но сословно-корпоративный компонент порождает препятствия для развития свободного рынка, т.к. поддерживает привилегии и статусы бюрократии и сохраняет закрытость каналов социального восхождения для молодых людей из базового и низшего слоев. Устойчивая двойственность стратификационной системы, укорененная в культурной традиции России, выступает важным фактором, обращения молодежи к имитационной форме адаптации в сферах образовательной и гражданской деятельности, доступных для социализации в формативном возрастном статусе.

7. Реформа российского института образования в целях инкорпорирования его в рыночную экономику и последующую интеграцию в общеевропейское образовательное пространство потребовала пересмотра ценностного

основания образовательной деятельности; изменения принципов финансирования образовательных учреждений; введения разнообразных типов государственных и частных негосударственных образовательных учреждений; и утверждение новых методик и стандартов оценки знаний – ЕГЭ, международной балльно-рейтинговой системы, кредитов по схеме ECTS. Однако отсутствие соответствующих объемов инвестиций и возникновение рынка образовательных услуг вызвали противоречия между провозглашенными ценностями, новыми организационными формами и правилами системы образования, и сохранением традиционных методов управления и образовательной деятельности. Социокультурным эффектом этого противоречия стали тенденции отдаления формальных и неформальных институциональных практик в системе образования.

8. Реальное состояние российской системы среднего и высшего образования обусловлено ее переводом на рыночные принципы функционирования, что вызвало социально-экономическую стратификацию образовательных учреждений и изменение характера взаимодействий основных акторов образовательной деятельности. Дефицит финансирования системы образования определил перегруженность преподавательского состава, снижение качества преподавания, что в целом привело к эффекту отчуждения преподавательского труда и облегчило внедрение в повседневность системы образования обменных практик. Отношения основных акторов образовательного процесса – учителя (преподавателя) и ученика (студента) при сохраняющейся их номинации в качестве духовных, наполненных когнитивно-аксеологическими смыслами, в реальности трансформировались рационально-прагматические взаимодействия коммерческого типа. Данный разрыв ценностных смыслов и реальных практик взаимодействий принуждают учащуюся молодежь к поиску эффективных способов адаптации для овладения формальными стандартами оценки знаний.

9. Доминирующим фактором выбора учащимися и студентами имитационных практик адаптации на макроуровне выступает отделение друг от друга рынка образования и рынка труда, обусловившее возникновение у института высшего образования латентной функции пролонгированной общей социализации юношества в возрасте 17-20 лет. Стратегии адаптации школьников и студентов при недостатке образовательного и культурного ресурса проявляется в двойном виде отчуждения, которое воспринимается как норма: отчуждения от процесса образовательной деятельности и от ее результата. В

пространстве образовательного учреждения, учащиеся и студенты принуждаются к имитациям сложившимися неформальными институциональными правилами взаимодействия основных акторов образовательного процесса, которые руководствуются универсальным рациональным принципом социального обмена – экономии ресурсов и достижения максимальной выгоды. Утверждение неформальных практик подобного рода имеет принуждающую силу для индивида, выступающего в любой роли образовательных взаимодействий. Необходимым механизмом утверждения имитационной формы обучения на микроуровне, в вузе (школе), являются практики взятки и сговора. Они обуславливают имитацию студентом (учащимся) только внешней формы обучения – посещения занятий, фиксирование сдачи контрольных и курсовых работ, зачетов и экзаменов. При этом студентом (учащимся) не осваивается содержание самой образовательной деятельности: алгоритмы интеллектуальной деятельности, профессиональные знания, технологии профессиональной деятельности, ценности и нормы профессиональной культуры.

10. Системные российские реформы конца XX в. вызвали учреждение институциональных форм и процедур, свойственных демократическому обществу и определили распространение ценностей, мотивирующих гражданское участие и политическую активность. Вместе с тем, постепенное наполнение современных российских демократических институтов смыслами «ручного управления» вызвало превращение сфера политического в симулякриванное пространство, в котором остаются только пустые формы и потерявшие значение символы, выполняющие функцию придания демократической видимости и символической легитимации управленческим процессам, обрамляющие бюрократическую вертикаль. Расхождение внешне демократических форм и ценностных смыслов институтов «управляемой демократии» вызывает сужение пространства реальной демократии, многообразные формы адаптации к этому процессу различных социальных акторов и размывание ценностей гражданского участия.

11. Генерация и поддержание культурных смыслов гражданского участия реализуется институтами гражданского общества – добровольными организациями граждан, совместно реализующих не коммерческие и не политические цели, ориентированные на благо общества. Однако их укрепление существенно затруднено воспроизводством синдрома социального недоверия по отношению к обществу в целом, социальным и политическим институтам.

Он вызван реакцией общества на имитацию реформы политических институтов, и проявляется в нечувствительности к гражданским ценностям и свободам; дистанцировании основного большинства населения России от поддержки и участия в политических партиях. Рост протестных настроений и акций городского населения в 2004-2005 гг. и в 2011-2012 гг., с одной стороны, и стремление удержать имидж правового государства и сохранить поддержку населения, с другой стороны, – обусловили использование властью стратегии конструирования имитационных форм гражданского общества: Общественной Палаты, НКО, общественных движений, как аналога стихийных протестных движений. На это указывает использование властью *универсальных форм* гражданских институтов, которые не наполнены сущностными смыслами деятельности граждан (осознанием *собственных социальных интересов* участниками учрежденных союзов, организаций или движений), солидарными действиями, основанными на *доверии*, и мотивированностью *социальным благом*, а не политическими интересами.

12. Макросоциальным фактором выбора значительной частью молодежи имитационной стратегии адаптации в сфере гражданских взаимодействий выступает выхолащивание демократических ценностей из политических и гражданских институтов. Эмпирические исследования гражданского сознания молодежи обнаруживают понимание: а) доминирования исполнительной ветви власти, которая определяет декоративный характер демократических институтов; б) высокого уровня разобщенности людей и неэффективности общественных организаций. Эти представления обуславливают восприятие молодежью сферы политических отношений как зоны риска и требуют выбора эффективной стратегии, обеспечивающего снижения риска и возможности социального продвижения. Такая стратегия имитирует внешние формы гражданской активности при одновременном недоверии власти, и уклонении от реальной гражданской активности. Механизмом имитационной стратегии выступает инсценирование гражданской активности, то есть готовности участвовать в выборах, знакомиться с политическими событиями и обсуждать их, участвовать в необходимых действиях по призыву административных органов, – которая не затрагивает нравственно-мотивационную структуру личности.

Практическая значимость результатов исследования определяется необходимостью оптимизации технологии социализации молодежи в системе

образования, формирования гражданских ценностей и гражданской активности, соответствующих требованиям современного информационного общества. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы в работе Комитетов по делам молодежи и в министерствах образования субъектов РФ, в частности, ЮФО. Анализ механизма имитационной модели профессиональной социализации, которая избирается определенной частью студенчества, представляет практический интерес для управления вузами, в частности, ректоратов и студенческих советов ЮФУ, АГУ, ЮРИФ РАНХиГС при Президенте РФ, Советов ректоров областей, краёв, республик, округов для оптимизации практики организации учебного и воспитательного процесса.

Материалы диссертации могут быть полезны при разработке теоретических и практических курсов по проблемам социологии культуры и образования, социологии молодежи при подготовке студентов по направлениям: «Социология», «Социальная работа», «Работа с молодежью», «Политология», а также для разработки инструментария при проведении социологических исследований по проблемам молодежи.

Соответствие темы диссертации требованиям паспорту специальности ВАК РФ. Диссертация соответствует области исследования специальности 22.00.06 – Социология культуры, особенно в таких ее пунктах, как: п.14. Культурная социализация и самоидентификация личности; п.17. Образование и процесс культурного воспроизводства.

Апробация работы. Основные положения, выводы и рекомендации, изложенные в диссертации, докладывались на заседании кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета, а также на международных, всероссийских, межрегиональных, межвузовских научно-практических конференциях. В частности, на таких как Международная научно-практическая конференция «Инновации в отраслях народного хозяйства, как фактор решения социально-экономических проблем современности» (Москва, РГСУ, 5-6 декабря 2011г.); Международная научная конференция Юбилейные X Васильевские чтения «Ценности и интересы современного общества» (Москва, РГТЭУ, ноябрь 2011г.); Международная научно-практическая конференция «Основные аспекты совершенствования таможенного дела в условиях формирования Единого экономического пространства» (Москва, РТА, апрель 2012г.); Международная научная конференция Юбилейные XI Васильевские чтения «Ценности и интересы современного общества» (Москва, РГТЭУ, но-

ябрь 2012г.); Научная конференция «Неделя науки в МГЭИ – 2012». (Москва, МГЭИ, 2012г.).

Публикации. По теме диссертации опубликовано 28 научных работ, в том числе 4 монографии и 17 статей в изданиях по списку ВАК, общим объемом 57,8 п.л.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, четырех глав (включающих двенадцать параграфов), заключения, списка литературы, приложения (представленного в виде 47 статистических таблиц и расшифровки текста глубинных интервью).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во «Введении» обосновывается актуальность темы диссертации, раскрывается степень ее разработанности в научной литературе, определяются цели и задачи диссертационного исследования, формулируются научная новизна исследования и положения, выносимые на защиту.

В главе первой «Теоретико-методологические аспекты исследования имитационной модели социальной адаптации молодежи» разрабатывается методологический конструкт исследования.

В параграфе 1.1. «Социализация и адаптация как способы интеграции молодежи в социокультурную среду» автор исследует специфику социальной адаптации в сравнении с социализацией молодежи. Автор показывает, что в процессе системного социального кризиса 90-х гг. и реформирования основных социальных институтов были нарушены основополагающие условия успешной социализации молодежи – единство социетальной системы общества, обеспечивающее непротиворечивость целенаправленного воспитания и стихийного воздействия социокультурной среды на личность. Исследование условий становления молодежи в последние два десятилетия позволили ученым убедительно показать серьезные сбои в функционировании ключевых для социализации социальных институтов – семьи, образования, занятости, духовно-идеологических институтов.¹¹

Системные рыночные реформы в сжатые сроки изменили условия жизни людей и потребовали приспособления к ним (адаптации). Автору представляется корректным использовать основные наработки, изложенные в

---

¹¹ Чупров В.И., Zubok Ю.А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. М.: Наука, 2001. С.104-105.

теории адаптации к рассмотрению процесса интеграции молодежи в трансформирующееся общество. Ситуация аномии и системного кризиса проявляется как недееспособность социетальных ценностей, они утрачивают безусловный характер для всех слоев общества, перестают поддерживаться. Поэтому, на наш взгляд, когнитивная подготовка молодого поколения в школе оказывается недостаточной для реализации жизненных стратегий за пределами школьных стен. Освоенные когнитивно ценности и нормы оказываются мало эффективными в реальном повседневном поведении, поскольку не предлагают способа реализации потребностей и путей достижения целей индивида, адекватного социальной реальности. Эта ситуация ставит молодежь перед проблемой собственного «открытия» реальных социальных отношений и приспособления к ним. В отличие от социализации, построенной на освоении терминальных ценностей (перспективных ценностей-целей, идеалов), адаптация, подчеркивает автор, ориентирована на прагматические цели. В тандеме терминальных и инструментальных ценностей в процессе социализации доминируют терминальные ценности, а при адаптации – инструментальные. Это деление соответствует традиционному делению на *ценности-цели* и *ценности-средства*. Автор подчеркивает, что ценностная нейтральность адаптации определяет господство формы социальных взаимодействий над их смысловым содержательным наполнением. Адаптация в условиях транзисии и выдвижения в качестве ценностей-целей готовых институциональных форм, нейтральных по отношению к сакральным смыслам, порождает новый феномен – использование инноваций (по типологии Р. Мертон) как формы в ее *презентационном* виде. Тем самым, возникает новая форма адаптации: принятие выдвинутой новой системы целей (инструментальных по содержанию) – богатства, конкурентоспособности, успеха, социальной мобильности, – и демонстративная ритуализация способов их достижения.

Автор полагает, что использование социальных институтов, демонстрирующих инновационный тип социальной деятельности только во внешних ритуальных формах, не наполненных реальной социальной деятельностью, создает *имитационную форму адаптации*. Она характеризуется тем, что при ритуальном использовании институциональных средств не обеспечивается реальное достижение цели адаптации, т.е. не обеспечивается достижение ожидаемого равновесия (гармонизации) со средой. Природа этой формы

адаптации, ее социальные функции и социальное значение, заключает автор, требуют специального исследования.

Параграф 1.2. «Современная молодежь как субъект адаптационных стратегий» посвящен выделению социального субъекта имитативных адаптационных стратегий. В начале параграфа автор обосновывает идею о необходимости выделения более дробных возрастных когорт молодежи, формирующейся в периоды социальной трансции. Он выделяет вслед за К.Манхеймом особый возрастной статус - «формативный период», когда в процессе автономизации молодого человека по отношению к родительской семье, происходит практическое освоение им базовых социальных ценностей. Выделение понятий «формативного периода» и «жизненных фаз» позволяет связать трансформацию социальных статусов с теми образцами типичных форм социальной активности и ценностными ориентациями, которые когорты (возрастная группа, рожденная в один год) получила на этапе становления социальной самостоятельности под воздействием значимого исторического события. Тем самым, это событие определяет жизненный путь когорты, лежит в основании формирования ее идентичности и самоопределения в историческом времени и пространстве. Выделение этих более узких когортных подгрупп молодежи позволяет исследовать специфику социальной интеграции каждой из них и их потенциальные роли в социокультурной динамике общества. Высокая динамика социальной жизни в России в последние два десятилетия, отмечает автор, обусловила достаточно большой разрыв в ценностных ориентациях всех этих подгрупп. Автор сравнивает формативный период различных когорт современной молодежи и акцентирует особенность социальной среды формативного периода когорты рожденных в 1993-1995 гг. Наряду с ростом теневой экономики, свертыванием многопартийности, значительном снижении политической активности общества и нарастании политической апатии, на период взросления этой когорты приходится стремительная экспансия компьютерных технологий, расширение социальных сетей, которые становятся для молодежи нормативной средой обитания. На формативный период этой подгруппы приходится также введение ЕГЭ, существенно изменившего не только систему поступления в высшую школу, но и прагматизировавшего образовательную подготовку, сузив ее на последнем этапе (в выпускных классах) до патаскивания к тестированию по выбранному циклу предметов.

Изложенные идеи, по мнению автора, показывают, что применение к изучению функционирования молодежи поколенческого подхода позволяет дробить эту социально-демографическую группу на подгруппы в зависимости от реализуемых статусных ролей: 14-17 – *ранней юности*, в период которой формируются мировоззренческие и профессиональные ориентации; 18-21 – *поздней юности* – когда происходит поиск профессионального и социального самоопределения; 22-25 – *ранней молодости*, с ее процессом адаптации к рыночной среде и обретением основ экономической самостоятельности; 26-29 – *ранней взрослости*, в процессе которой формируется собственная семья, решаются вопросы с формированием (обретением) жизненной инфраструктуры, стабилизируются жизненные установки и происходит интеграция в основные социальные институты.

Поколенческий анализ, позволяющий вскрыть социокультурный потенциал и роль молодежи в качестве субъекта трансформационного процесса, предполагает также уточнение возрастных границ молодого поколения. Разрабатывающие методологические принципы поколенческого анализа исследователи обращают внимание на следующие позиции:

- поколение – это «форма социальной связи и фокус символической солидарности действующих индивидов: это нормативная рамка соотношения с другими «по горизонтали», такими же, как «ты»¹², (т.е. речь идет о сообществе сверстников);

- поколение задает рамку социокультурной идентичности, и вместе с этим – набор ценностных ориентаций и паттернов поведения.¹³ Автор диссертации заключает, что применение поколенческого подхода в изучении молодежи позволяет дифференцировать молодежь как субъекта адаптационных практик на более дробные группы, и обосновывает наличие между ними различий в выборе стратегий адаптации.

В параграфе 1.3. «Специфика имитационного механизма социальной адаптации» концептуализируется понятие имитации в предметном поле социологии. Автор отмечает, что в социологии понятие *имитации-подражания* нашло применение прежде всего в рамках функционализма. Так, Э. Дюркгейм рассматривал ролевое подражание как основной механизм социализации. В его трактовке *имитация-подражание* является основным

¹² Дубин Б.В. Поколение: смысл и границы понятия // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России. М., 2005. С.63.

¹³ Дубин Б.В. Указ.соч. С.74.

механизмом освоения и глубинной интериоризации индивидом норм и ценностей сообщества, формирует культурное измерение индивида. Несмотря на то, что Дюркгейм говорит о социализационно-ролевых аспектах подражания, фактически у него уже выстроена цепочка: подражание (имитация) – базовые ценности культуры («коллективные представления») – знаковые коды данной культуры. *Имитация-подражание* в социологии Т.Парсонса описывается как основной механизм, ответственный за выполнение системой функции удержания культурного образца. При этом, путь к эффективной адаптации индивида лежит через его причастность ценностным приверженностям и символическим кодам, поддерживающим сохранение системы.

Автор полагает, что отчуждение ролевой формы от содержательных связей роли с культурными образцами и сакральными ценностями препятствует не только нормальной жизнедеятельности индивида, но и полноценному воспроизводству системы. Для обозначения этого явления вводится понятие «*имитация-симулякр*». Обосновывая его введение, автор настаивает, что всякое воспроизводство образца можно и нужно рассматривать как вид знаковой деятельности, связанный с кодировкой-раскодировкой образца, воспринимаемого как знак. Однако если между двумя аспектами знака нарушено однозначное соответствие, внешне-репрезентационный (формальный) его аспект может вести самостоятельное существование как феномен социокультурного ряда, то есть воспроизводиться вне прямой связи с теми ценностными представлениями и предпочтениями, которые ранее находили внешнее выражение в этой знаковой форме. Для обозначения таких «пустых» знаковых форм, наполняющих пространство коммуникации, в современной семиотике культуры существует понятие «симулякр». В социальной философии и социологии этот термин используют, начиная с Ж. Бодрийяра, впервые его введшего, и знаменитых постструктуралистских семиологов – Ж. Деррида, Ж. Делеза и др. Автор считает правомерным использовать идеи постструктуралистской семиотики как базу методологического конструкта для исследования феномена имитации. Имитацию как воспроизводство образца можно трактовать двояко: как воспроизводство формы и содержания ролевого поведения в относительном единстве (*имитация-подражание*) и как воспроизводство ролевой формы, отчужденной от содержания (*имитация-симулякр*). Обе эти стратегии представляют собой воспроизводство образца,

но во втором случае воспроизводится только внешняя форма образца, отчужденная от ценностных предпочтений, являющихся базой социетальной преемственности, и, следовательно, не ориентированная на социетальные цели и ценности. Следовательно, стратегия – *имитация-симулякр* – связана только с индивидуальным целеполаганием, она не ориентирует индивида на цели общества, оставляя его в рамках индивидуальных целей, и, следовательно, не может работать как механизм социализации. В таком случае, воспроизводство внешней формы роли является механизмом адаптации к ненормативной социальной ситуации, контрпродуктивной для самосохранения социальной системы.

Заявляя о своей причастности символическому порядку культуры, индивид, тем самым информирует сообщество о том, что он признает и разделяет легитимность социальной системы, а также о том, что он в своих индивидуальных практиках учитывает эти ценности и смыслы.. Но имитация-симулякр как стратегия поведения практикуется тогда, когда сакральные ценности культуры для индивида частично или полностью десакрализованы и его реальное индивидуальное целеполагание осуществляется вне их влияния. Эта ситуация делает возможным расхождение частноэгоистических целей индивида и коллективных целей системы, когда актер способен преследовать свои индивидуальные цели, игнорируя цели общества или даже им в ущерб. Носитель прагматической ментальности может выполнять нормы и следовать ценностям лишь в порядке обмена на какие-то удовлетворяющие его потребности жизненные блага, а ориентация на сакральные ценности превращается для него в *имитацию-симулякр*, воспроизводство пустой формы. Интериоризированные в ходе социализации ценности символической культуры, сдвинутые на периферию внимания актора, все же не утрачивают своего значения в качестве символического капитала, который несколько девальвируется на уровне повседневных практик, но все же, согласно П. Бурдьё, может быть конвертирован в дальнейших социальных обменах. В этом случае, внешняя включенность в символический порядок культуры воспринимается актором как вид символического капитала, который можно и нужно правильно конвертировать в своих индивидуальных целях. Такая правильная конвертация должна послужить для него одним из средств, в совокупности с другими обменными практиками обеспечивающим достижение поставленной реальной индивидуальной цели – социальной успешности в ее статусном и

материальном измерении. Таким образом, заключает автор, в имитационных повседневных практиках происходит осуществляемая в целях адаптации инверсия целей и средств: внешнее следование символическому порядку культуры становится средством достижения индивидуального социального успеха. Тем самым индивид в своих практиках отторгается от целей социальной системы и перестает работать на ее сохранение.

Глава вторая «Социокультурная среда реформируемого российского общества: факторы выбора молодежью имитативных адаптационных стратегий» посвящена исследованию влияния на выбор имитации как модели адаптационного поведения молодежи состояния трех сфер макросреды общества – повседневных обменных практик, аксиологической и социоструктурной, в совокупности создающих социокультурное пространство выбора поведенческих стратегий молодежи.

В параграфе 2.1. «Обменные практики повседневности как фактор имитационной адаптации» автор отмечает, что среда, конституированная рыночными институтами, может быть определена как такая, в которой тотально господствует принцип свободного, ничем не лимитированного обмена любыми благами, от материальных до символических. Отсюда доминирование и всеобщность обменного характера повседневных практик, который распространяется на все сферы жизни общества, в том числе и на те из них, которые прежде не имели обменного характера. Рационально калькулируемые цепи обменов наполняют собой среду рыночного общества, организуемую соответствующими институтами. Всеобщность обменных отношений накладывает определенные ограничения на функционирование сакральных символов и смыслов социетальной культуры. Но в основе легитимации социального порядка, построенного на принципах свободного рыночного обмена, должны лежать некие базовые ценностные представления. Однако ценностные представления, как указывают Э.Дюркгейм и Т.Парсонс, легитимируют порядок только в том случае, когда общественный консенсус признает их сакральными, не подверженными обмену, а, следовательно, выпадающими из общего прагматического контекста повседневности рыночного общества. Но обменная модель взаимодействия тяготеет ко все более широкому распространению, в пределе – к обретению реально всеобщего характера, к проникновению в сферы, где был традиционно высок удельный вес безусловных и ценностно ориентированных практик. В российском обществе, подчеркивает ав-

тор, рыночная экономика начала складываться в легальном режиме как «дикий капитализм», и период первоначального накопления вошел в историю под говорящим названием «лихие девяностые». Прагматические установки были восприняты активной частью россиян без четкой привязки к высоко-развитому правосознанию. Прагматически ориентированные взаимодействия в отсутствие валидных ограничителей заполнили собой все социальное пространство. Поэтому среда сложившегося рыночного российского общества, заключает автор, существенно отличается от соответствующей среды западных обществ с традиционно рыночной экономикой. Теневые практики, по своему содержанию представляющие собой иллегальные обменные сделки, сформировали настолько устойчивые траектории, что возникли основания говорить об институционализации теневых структур и правил игры, деинституционализации формальных институтов, институционализации коррупции. Актор интегрируется в теневую среду часто помимо собственной воли, вопреки усвоенным в процессе социализации ценностям-убеждениям, как бы вступая в вынужденный компромисс со средой.

Однако непосредственный и не ограниченный никакими видами регуляторов, кроме неформальных правил, теневой обмен, как подчеркивает автор, нуждается в официальных институтах как в питающей среде и необходимом условии своего воспроизводства. Теневизированная среда – принципиально двойственная, само ее существование основывается не просто на подмене легальных норм и практик иллегальными, а на раздвоении норм и порядков, их синхронном двойном функционировании. И сам характер этой среды требует от индивида такой же двойственной адаптационной стратегии. Чтобы достигнуть гармонии со средой, индивид должен адаптироваться сразу на двух уровнях – на уровне ценностно-нейтрального, нравственно-индифферентного, но рационального с точки зрения прагматики теневого обмена и на уровне презентационного поведения, символически демонстрирующего его конформность и лояльность по отношению к официальным институтам, легальным нормам, социоцентрическим терминальным ценностям. Однако этот презентационный социоцентризм – не самостоятельная модель поведения, а часть всеобщего обменно-прагматического контекста, элемент цепи теневых обменов, в ходе которых социоцентрическое поведение конвертируется в социальную и материальную успешность. Он имитируется актором, который тем самым адаптируется к ситуации зазора между макросо-

циальной и микросоциальной средой, к повышенной неопределенности и риску в повседневной жизни, в целом – к двойственному модусу жизнедеятельности всей социальной реальности, к перманентно аномийному состоянию общественных институтов, к сосуществованию структур государства и «парагосударства». Как заключает автор, практикуя имитационную стратегию адаптации, актер также достигает гармонии своих персоноцентристских ценностей-целей и тех средств их достижения, которые предлагает двойственная теневиризованная среда.

В параграфе 2.2. «Социетальная среда имитационной адаптации» анализируется состояние социетальной системы ценностей современного российского общества в его влиянии на выбор имитативной адаптации. В системе ценностей советского общества, отмечает автор, за счет практического игнорирования индивидуальной достижительности относительно легко поддерживался и транслировался социоцентризм. Официальная идеология со своим набором ценностей в этом жизненном мире функционировала как необходимый для поддержания социетального единства симулякр культуры, следовое образование, уже не имеющее содержания, адекватного эпохе. В этой симулятивной игре различий вокруг несуществующего тождества участвовали как элита, так и рядовые акторы, поскольку эта игра позволяла заполнить вакуум социального объяснения и давала возможность единства всех слоев общества. Поэтому, отмечает автор, причастность этой культуре, легитимация любой деятельности однозначно требовали от актора симулятивной имитации приверженности комплексу идеологизированных значений, тогда как уже значительная часть реальных практик протекала вне культурной репрезентации и рефлексивного осмысления на основе этих значений. Начало системной трансформации поставило точку на создавшейся ситуации. Однако устойчивая модель поведения, ассоциируемая в социологии с типом «человека двойственного», оказалась способной к сохранению в изменившемся социальном контексте.

По мнению автора, современная российская действительность не предлагает молодым людям привлекательной для них модели демократических ценностей. Отсутствие питательной среды для реального развития демократии обусловило падение интереса населения и особенно молодежи к демократическим ценностям, неверие в демократические лозунги. Вероятно, по этим причинам у молодежи свобода и политическая демократия из разряда

терминальных ценностей отчетливо переключались в категорию инструментальных. Это видно из того, что ранг индивидуальной свободы как ценности у современных молодых россиян очень высок, но она рассматривается ими, скорее, как средство и условие не ограниченного общественными обязательствами жизненного устройства, более эффективной самореализации, достижения социальной успешности. Молодое поколение демонстрирует дефицит социоцентризма и тем, что оно политически и социально индифферентно. О росте индивидуализма и социальной, политической, гражданской индифферентности говорит факт, что современные молодые россияне в массе своей уклоняются от социального и общественного участия. Дефицит гражданских и политических ценностей-убеждений, пронизывающий все современное российское общество, отмечает автор, дополняется растущим дефицитом актуальных нравственных ценностей. Необходимо отметить и такой фактор, как снижение качества и сокращение объема гуманитарной составляющей школьного образования, традиционно служившей базой нравственного воспитания (в особенности преподавание литературы). Последнее обстоятельство имеет особенное значение ввиду огромной роли образования как института социокультурного воспроизводства и воспроизводства менталитета народа.

Наконец, религиозные ценности-убеждения россиян тоже претерпевают в настоящее время изменения. После многих десятилетий официального атеизма, религиозные ценности продвигаются правящей элитой как возможная основа обновления социетального единства. Однако массовый интерес к вере приобрел формальный характер: религиозность проявляется, скорее на уровне ритуалов, нежели на уровне глубоких эмоциональных переживаний и осознанных убеждений. Нетрудно заметить, что возрождаемая православная религиозность рассматривается ее носителями как *внешняя культурная форма*, проявляющаяся в выполнении религиозных ритуалов, оформляющих повседневную жизнь, а не как внутреннее состояние, способное продуцировать устойчивые религиозные убеждения. Проблематичность формирования у молодых россиян глубоких религиозных убеждений как основы социоцентрической ориентации связана и с конфессиональной неоднородностью российского общества, затрудняющей превращение конфессиональных ценностей-убеждений в социетальные.

Автор приходит к выводу, что в современном российском обществе наблюдается кризис социоцентризма в ценностных ориентациях акторов,

обусловленный такими факторами, как ослабление доверия населения к государству в результате отказа государства от патерналистской модели отношений с гражданами в 90-е годы; слабость негосударственных структур гражданского общества, как альтернативных государству адресатов социоцентрических мотиваций акторов; как центробежные тенденции, приведшие к росту значения локальных и этнических идентичностей в сравнении с общегражданскими; наконец, разочарование населения в либерально-демократических политических ценностях после «шоковой терапии» и анонимии 90-х годов. Эта ситуация ориентирует молодежь на имитацию следования социоцентрическим ценностям при реальном индифферентном отношении к ним.

В параграфе 2.3. «Стратификационные факторы имитативной адаптации молодежи» рассматривается влияние на характер и модель адаптации системы распределения социальных статусов и состояние каналов восходящей мобильности в современном российском обществе. Важнейшая особенность стратификационно-статусного строения социального пространства современной России, отмечает автор, заключается в раздельном *существовании двух статусных систем: легальной и illegальной*, когда формальный легальный статус актора может не совпадать с его теневым статусом. Это обстоятельство, возможно, является определяющим фактором влияния на достигательные практики акторов, в том числе и молодых, *переориентируя их на своего рода «теневую достигательность», то есть на целеполагание в рамках тех или иных теневых сегментов социума.*

Автор отмечает, что согласно П. Сорокину, выделяют три вида вертикальной мобильности: экономическую, политическую и профессиональную. Каналы *экономической вертикальной мобильности*, то есть каналы подъема вверх благодаря легальному накоплению материальных и финансовых ресурсов, для низкоресурсных категорий молодых людей практически закрыты, поскольку бизнес-деятельность всех уровней поставлена в парализующую зависимость от бюрократического аппарата и силовых структур, осуществляющих на теневом уровне регулирование и защиту бизнеса. Тем самым, обретение экономической независимости оборачивается попаданием в зависимость от теневых структур и деятелей и зачастую путь в бизнес оказывается рискованным. То есть имитация следования формальным нормам права как траектория адаптационного поведения имеет место и здесь. Для успеха своей

бизнес-инициативы актор вынужден обращаться за санкцией в формальные инстанции, но это действие является лишь имитацией следования закону, поскольку само содержание взаимодействия бизнесмена с чиновником – теневой обмен благами, не имеющий ничего общего с законом.

Политическая вертикальная мобильность ассоциируется с карьерой в органах власти и управления, политических партиях и организациях. В современном российском обществе специфика политической жизни, как и экономической, определяется «сращением оси богатства и оси власти» (Т.И. Заславская). Применительно к политическим практикам, это означает отсутствие их хотя бы относительной независимости от конфигураций макроэкономической конъюнктуры, частногрупповых (анклавных) интересов, распределения финансовых потоков и т.д. *Политические институты и регулируемые ими практики образуют презентационные формы*, содержанием которых выступает взаимодействие *частногрупповых экономических интересов и солидарностей*, фактически приватизировавших политическую сферу. Вероятно, в этом заключена одна из причин массового равнодушия к политическому участию. Оно не рассматривают как канал восходящей мобильности. Однако зачастую граждане принимают участие в различных массовых акциях по приглашению политических партий или провластных организаций за небольшое вознаграждение или скромные бонусы в виде бесплатных поездок или посещения концертов. Это, по-видимому, свидетельствует о том, что сами участники рассматривают политические акции как чисто презентационную форму деятельности, где нужны платные статисты, а не целеполагающие акторы. В данном контексте политическое участие молодежи – и с точки зрения организаторов, и с точки зрения непосредственных исполнителей – становится элементом иллегального социального обмена и вознаграждается теми или иными благами.

Далее автор исследует возможности *профессиональной вертикальной мобильности* современной российской молодежи. Ее каналами являются система профессионального образования и рынок труда. Однако подчеркивает автор, отрыв системы образования от рынка труда ставит под вопрос образование как «социальный лифт»; на массовом уровне полноценное образование далеко не всегда само по себе функционирует как канал восходящей мобильности. В силу этого, даже изначально мотивированные к учебе студенты зачастую вынуждены существовать как бы в двух мирах: не отказываясь от

возможности получить формальный статус специалиста «впрок», они с первых курсов совмещают учебу с работой в далеких от получаемой профессии сферах, которые, однако, могут предложить им приемлемый уровень доходов и социального престижа. Тем самым, заключает автор, студенты вынужденно имитируют отношение к знаниям как самостоятельной ценности, рассматривая процесс учебы как формальное прохождение необходимых стадий.

Глава третья «Имитативная адаптация молодежи к новым условиям образовательной деятельности» посвящена детальному рассмотрению имитационных практик молодежи в сфере образования.

В параграфе 3.1. «Реформа образования: основные цели институциональных преобразований» автор обращается к исследованию изменений институциональной структуры российского образования в ходе реформ. Хотя в идеологии реформы образования был заложен концепт гуманизма, демократии, развития индивидуальности, но одновременно разворачивающиеся рыночные преобразования в экономике обуславливали введение новых институциональных правил для системы образования. На первый план вышли индикаторы экономической эффективности функционирования образовательных учреждений. Этот принцип реализовался в утверждении права образовательных учреждений на предоставление коммерческих дополнительных образовательных услуг. Принцип вариативности образовательных учреждений, который открывал широкий выбор учащимся и их родителям в построении индивидуальной стратегии образования, был реализован в создании новых типов государственных общеобразовательных учреждений – гимназий и лицеев (наряду с общими средними школами), и негосударственных образовательных учреждений (НОУ). Вместе с этим был утвержден новый стандарт оценки знаний – ЕГЭ, который был направлен на выравнивание условий поступления в высшую школу и преодоление разрыва между средней и высшей школой. Новыми формальными правилами, регулирующими функционирование высшей школы стали: перевод профильных институтов в статус университетов; переход на двухуровневую систему квалификации выпускников (бакалавр – магистр); введение международной методики сравнения и эквивалентности содержания образовательной подготовки (балльно-рейтинговая система, использование кредитов по схеме ECTS); юридическое утверждение норм академической мобильности для бакалавров, магистров, аспирантов, преподавателей и научных сотрудников. Вместе с тем, реализация в повсе-

дневной практике образовательных учреждений возможностей, обеспеченных юридическими нормами, затруднялась отсутствием соответствующих объемов финансовых инвестиций. Этот фактор стал оказывать дисфункциональное воздействие на организацию образовательной деятельности и вызвал активный поиск со стороны менеджмента схем функционирования образовательных учреждений, позволяющих адаптироваться к «ножницам» формальных правил и дефицита ресурсов для их реализации. Реализация этих схем вызвала раздвоение регулирующих норм образовательной деятельности на формально-административные и неформально-повседневные.

В параграфе 3.2. «Трансформация условий образовательной деятельности в средней и высшей школе» анализируется влияние происшедших институциональных изменений в образовании на систему взаимодействия основных акторов образовательной деятельности. В частности, введение элементов рыночной деятельности в систему образования определило переориентацию взаимодействия субъектов образовательной деятельности на контрактный характер. Направление вектора трансформации социальных отношений существенно повлияло на весь комплекс взаимодействий в образовательных учреждениях, поскольку изменилась их основа – характер труда преподавателей. Традиционно трудовая деятельность в системе образования требовала включенности и самореализации субъекта как в содержание процесса, так и в его результат. Привнесение рыночных стимулов при сохранении дефицита финансирования образования, вызвало отчуждение труда преподавателей (учителей) и деформацию мотивов труда. Одним из последствий стало резкое снижение качества предоставления образовательных услуг со стороны преподавательского состава. Вторым следствием реформирования системы образования, отмечает автор, стало заметное и весьма существенное снижение качества образования в средней и высшей школе. Эта тенденция проявляется как регрессия качества образовательной подготовки учащихся общеобразовательных школ от начальной к средней ступеням, что фиксируется международными обследованиями качества образования, в которых участвует Россия. Об этом же свидетельствует анализ результатов обучения выпускников школ на первом курсе в столичных и региональных вузах. Кроме того, школьное образование перестает работать как механизм повышающей мобильности. Уже на старте образования формируется дифференциация школьников, в основе которой лежат различия культурного и финансового капитала семей,

территориальная привязка и региональная принадлежность школы. Яркое проявление социального неравенства учащейся молодежи в школах стало причиной введения Единого государственного экзамена, направленного на обеспечение равных возможностей для поступления в вузы выпускникам всех школ страны. Однако организация и требования ЕГЭ вызвали возникновение различных форм теневой «подстраховки» выпускников. В теневые практики оказались вовлеченными учителя и администрации школ и районов, что объясняется не только стремлением определенной части учительского корпуса к заработку, но и рассмотрением результатов ЕГЭ как индикатора качества образовательной подготовки школы, района и города в целом; а также качества работы соответствующих административных структур.

Реализация реформирования системы среднего и высшего образования, нацеленная на изменение механизма его финансирования, при сохранении дефицита бюджетного финансирования, вызвала не только коммерциализацию образовательных услуг, но и монетарную мотивацию труда учителей и преподавателей в системе образования. В целом, функционирование института образования было переориентировано на общую прагматизацию характера образовательных взаимодействий, которая проявилась в максимизации результатов труда в краткосрочной перспективе, как со стороны административных структур образовательных учреждений, так и со стороны учительского и преподавательского составов. Эта установка стала определять социокультурные характеристики пространства большинства образовательных учреждений, вхождение в которые потребовало от школьников (родителей) и студентов соответствующих адаптационных практик.

В параграфе 3.3. «Имитация обучения как форма адаптации молодежи к институциональным изменениям в сфере образования» рассматриваются результаты эмпирического изучения адаптационных практик учащихся, которые проводились автором методом глубинных интервью и сопоставлялись с аналогичными исследованиями в других регионах. Систематизация накопленного отечественными социологами эмпирического материала, позволяет выделить практики адаптации школьников (родителей) и студентов к условиям образовательной деятельности. В частности, в школах вызвало распространение двух устойчивых форм взаимодействия учителей и школьников (родителей): «чистого» и «грязного» репетиторства, ориентированных не на образовательную деятельность и развитие личности школьника, а на его ус-

пешное поступление в вуз. Адаптация школьников (родителей) к новым условиям обучения в школе предполагает выбор одной из типовых стратегий: 1) эффективного освоения узкого количества школьных предметов для успешной сдачи ЕГЭ в вуз определенного профиля, для чего используется «чистое» репетиторство; 2) неправовые практики помощи при сдаче ЕГЭ для гарантированного получения хорошего результата («грязное репетиторство»); 3) незаконное использование различного рода льгот или корпоративных связей родителей для обеспечения поступления в вуз при низких баллах ЕГЭ. Автор показывает, что любая из этих стратегий сопровождается отчуждением от содержания образовательной деятельности при одновременном освоении ее стандартизированной формы, что свидетельствует об имитации образовательной деятельности со стороны школьника. Институциональные формы, которые обеспечили дрейф значительной части выпускников в имитационные формы образования, заданы условиями организации и проведения ЕГЭ, а также его ролью для последующего этапа жизни выпускника школы.

Проведенная серия глубинных интервью со студентами различных вузов свидетельствует о том, что имитационные формы адаптации, освоенные в школе, воспроизводятся далее выпускниками в пространстве вуза. Здесь они, как показывает автор, принуждаются к имитациям сложившимися неформальными институциональными правилами взаимодействия основных акторов образовательного процесса – администрации (принципала) – агента (преподавательского корпуса) – студента (клиента), которые руководствуются универсальным рациональным принципом социального обмена – экономии ресурсов и достижения максимальной выгоды. Наполнение вузов немотивированными к обучению и профессиональной социализации студентами, как показывают эмпирические исследования, вызвали эрозию социальных ролей основных акторов образовательной деятельности, размывание культурной идентичности студенчества и профессиональной культуры преподавателей. Механизмом утверждения имитационной формы обучения студентов на микроуровне, в вузе, являются практики взятки и сговора. Взятка – это денежное вознаграждение должностного лица, который использует свое должностное положение и предоставляет услуги в обход установленного правового порядка, даже в том случае, если эти услуги законны сами по себе. В отличие от взятки, для практик сговора характерны добровольность, неявность, отсутствие изначального договора, равновесность обеих сторон и вза-

имная выгода, отсутствие денежных или других форм вознаграждения, юридическая не наказуемость. Однако социокультурный эффект взяток и сговора однотипен - дисфункция профессионально-образовательной и социализирующей деятельности вузов.

В четвертой главе «Имитативная адаптация молодежи в сфере гражданской активности» анализируются практики адаптации молодых граждан к системе политических отношений в современной России.

Параграф 4.1. «Трансформация политических институтов как фактор влияния на формирование гражданских ценностей молодежи» посвящен анализу влияния институциональных изменений в процессе реформ на выбор адаптационных стратегий молодежи. Анализируя обширный круг источников и эмпирических исследований, автор показывает динамику институциональных преобразований в политической сфере, выделяя три этапа: начальный период (преобразования М.С.Горбачева), период реформ Б.Н.Ельцина, стабилизацию и укрепление государственности в период В.В.Путина.

Конституция РФ 1993 года законодательно закрепила новые правила организации политического пространства, ориентированные на формирование гражданских ценностей и гражданского участия. Прежде всего, это демократический принцип разделения властей – законодательной, исполнительной и судебной, при наличии независимого суда как важнейшего для демократического общества института, гарантирующего защиту гражданских прав личности. Создавалась также институциональная основа реальной многопартийности как необходимого условия демократического политического режима. Однако исследователи называют период реформ, связанный с именем Ельцина, «утилитарно-прагматическим»¹⁴: под прикрытием демократической риторики, подчеркивает автор, произошла фактическая приватизация клановой бюрократией административного ресурса государства. Политика стала все более рассматриваться не как самодостаточная деятельность, а как внешняя, институционально выстроенная, форма для достижения неполитических целей – обогащения, выстраивания солидарностей и союзов, работающих на частногрупповые интересы. Таким образом, в канун XXI века государство как субъект политики и носитель политической воли, фактически перестало им быть: оно превратилось в симулякр политического субъек-

---

¹⁴ Красин Ю.А. Метаморфозы российской реформации. М., 2009. С. 48.

та, используемый в частноэгоистических интересах лиц и групп и, следовательно, отчужденный от населения и общества в целом.

Начало XXI в. отмечено в России началом политики укрепления государственной властной иерархии. Важнейшим событием в политической жизни этого периода стали ограничения реальной многопартийности, направленные на дальнейшее усиление исполнительной власти и отсечение от участия в политическом процессе тех оппозиционных партий, с которыми был невозможен компромисс по взятию их деятельности под контроль. Эти шаги были направлены на сохранение внешней формы демократического института многопартийности при выхолащивании его сущностного содержания – представительства интересов различных групп и слоев, свободной конкуренции политических акторов, обеспечения механизма контроля законодательной власти со стороны общества. Таким образом, на уровне организации политического пространства можно фиксировать имитацию: демократический по форме институт по сути подменяется механизмом авторитарного управления – «управляемой демократии» (то есть практического ограничения суверенитета народа). Ее введение объяснялось необходимостью удержания территориального единства страны. Эта ситуация, противоречащая, по большому счету, самой идее демократической политической системы, привела к парадоксальному состоянию: в обществе формально функционирует система демократических политических институтов, но реально власть отказалась от развития обратной связи с населением, осуществляя управление в ручном административном режиме. Автор заключает, что сужение пространства реальной демократии при сохранении ее презентационной формы является фактором обращения населения и особенно молодежи к имитативным практикам в сфере гражданского участия и политики, так как способствует отчуждению молодежи от политической жизни.

В параграфе 4.2. «Роль трансформации российского гражданского общества в генерации культурных смыслов гражданской активности» автор анализирует состояние институтов гражданского общества и гражданского самосознания современных россиян. Исследователи сходятся в том, что понятие «гражданское общество» введено для характеристики такого качественного состояния сферы неполитических отношений, при котором индивиды владеют собственностью, осознают свои частные интересы, взаимодействуют друг с другом для достижения этих интересов на основе взаимного до-

верия. Гражданское общество проявляют через деятельность общественных организаций и посредством стихийной неорганизованной активности по проблемам, затрагивающим интересы общества. Его институты взаимодействуют с государственными структурами для оказания влияния на государств. В качестве устойчивого «твердого ядра» гражданского общества рассматриваются различного рода организации «третьего сектора» – то есть негосударственные и некоммерческие организации. Интегральным проявлением развитости гражданского общества выступает *доверие*, как особый тип взаимодействия людей. Доверие, как основа формирования гражданского общества, понимается не как единовременный акт, а как повседневная уверенность людей в устойчивости сложившихся нравственных правил и юридических норм.¹⁵ Реформирование политической системы российского общества, направленное на реорганизацию взаимодействия власти и общества, включение общества в симметричный диалог с государством, что юридически оформлялось Конституцией, не эффективно при дефиците доверия. Напротив, его укрепление и расширение обеспечивало изменение политического и социального пространства для самореализации гражданина. В этом усматривался источник социально-экономического и социокультурного развития.

В основе партнерства государства и гражданских институтов лежит социальное структурирование общества, плюрализм интересов различных групп, выдвигаемых и реализуемых общественными организациями (НКО). Благодаря деятельности НКО, граждане реализуют свои интересы, воздействуют на власть, которая вынуждена с этими интересами считаться и их учитывать. Автор рассматривает динамику становления гражданского общества в России как зеркальное отражение трансформации политических институтов по выделенным периодам. При этом обнаруживается та же тенденция – бурное развитие стихийных форм гражданского участие в горбачевский период, формирование многообразных и разнопрофильных НКО в период Ельцина, и сужение сферы деятельности НКО в первое десятилетие XXI в. Отсутствие самостоятельных источников финансирования большинства НКО вызвало сокращение их численности, а распространение имитационных форм демократии – затухание гражданской активности и усиление системного недоверия по отношению к обществу в целом и основному большинству социаль-

---

¹⁵ Штомпка П. Доверие – основа общества. М.: Логос, 2012. С.45.

ных институтов (включая государственные и НКО).¹⁶ Эта тенденция проявилась в росте стихийного протестного поведения населения крупных городов и мегаполисов в 2004-2005 и 2011-2012 гг. Обратной реакцией исполнительной власти стало создание в качестве своей опоры презентационных форм гражданского общества, например, Общественной палаты, Общероссийского народного фронта (ОНФ), которые вписываются в концепцию управляемой демократии и реанимируют ленинскую идею общественных организаций как «приводных ремней» власти. Тем самым, новая стратегия власти, направленная на подчинение институтов гражданского общества при формальной их самостоятельности, способствует дистанцированию населения от реального гражданского участия. Эта тенденция является доминирующим социокультурным контекстом, который задает выбор стратегии адаптации молодежи.

В параграфе 4.3. «Имитация социальной активности как форма адаптации к институциональным изменениям гражданско-политических отношений» анализируются результаты проведенного социологического опроса студенческой молодежи по проблемам ценностей и установок гражданского участия. Автор отмечает, что реформа политических институтов, начатая в 90-е годы XX в., вызвала трансформацию в политической сфере общества и ситуацию раздвоенности: усиление элементов авторитарного политического режима в реальной политической практике, с одной стороны, и активной интерпретации этой тенденции в понятийном аппарате либерально-демократической идеологии, с другой. В этой ситуации гражданские ориентации молодежи неочевидны. Предметом исследования было определено отношение молодежи к взаимодействию власти и общества, в контексте которого происходит гражданское самоопределение молодежи и выбор стратегии адаптации.

Анализ собранного материала позволил автору выявить позитивное отношение молодежи к гражданским ценностям и установки на имитационные формы гражданского участия. Причины такой неопределенной позиции, как показало исследование, состоят в том, что молодежь имеет четкое представление о декоративности демократических институтов в современной России и о неспособности институтов гражданского общества оказать сколь угодно существенное влияние на власть и социально-политические отноше-

---

¹⁶ Гудков Л.Д., Дубинин Б.В., Зоркая Н.А. Постсоветский человек и гражданское общество. М.: Моск. школа полит. Ис-ний. 2008. С.76-78.

ния. Такое представление позволяет определить социально-политическую реальность как рискованную для деятельности социально активного субъекта, поскольку в ней не гарантирована правовая защита личности и действенность ее поддержки со стороны институтов гражданского общества. Т.е. молодежь достаточно четко видит нарушение баланса сил во взаимодействии государства (власти) и общества в пользу государства. Адаптацией к такому дисбалансу является имитация гражданской позиции, что и демонстрирует пассивность молодежи при одновременном манифестировании гражданских ценностей и свобод. Структурирование эмпирического материала показывает, что среди наиболее образованной части молодежи (среди студенчества) позиция гражданского активизма по отношению к государству не имеет доминирующего значения, даже если речь идет об абстрактно-теоретическом моделировании ситуации. Это объясняется тем, что большая часть студенческой молодежи не видит глубоких демократических преобразований власти. Более того, достаточная открытость информации дает основание молодежи наблюдать обособленность власти (правительства, исполнительной ветви власти в целом) и рядовых граждан. В значительной степени это связано с отсутствием устойчивых солидаристских связей между людьми, неразвитостью институтов гражданского общества, отсутствием системного доверия в обществе, которое воспроизводится молодым поколением. Результаты исследования показывают, что в ситуации отстаивания перед государственными органами собственных интересов или своего видения разрешения той или иной социальной проблемы, по мнению молодежи, человеку вряд ли удастся опереться на деятельность политических партий или общественных некоммерческих организаций. В какой-то степени, подобную защиту обеспечивают специализированные государственные органы, включая институт Уполномоченного по правам человека.

Проводя сравнительный анализ результатов собственных исследований с исследованиями ценностных ориентаций молодежи Левада-Центра, исследовательской группы «ЦИРКОН», ВЦИОМ, автор делает вывод, что выбор молодежью («по умолчанию») стратегии имитационного типа адаптации к сфере политико-гражданских отношений определяется пониманием современной политики как игровой сферы, инсценировки разрешения реальных социально-политических и социально-экономических проблем, имитации взаимодействия по этим проблемам органов государственной власти, поли-

тических партий и общественных организаций. В этом контексте манифестирование и отстаивание собственного интереса или собственной позиции по актуальным политическим проблемам воспринимается как избыточный риск.

В «Заключении» подводятся общие итоги исследования, формулируются общие выводы и намечаются возможные направления дальнейших исследований выявленных проблем, суть которых в том, что целенаправленная социализация молодежи в условиях имитационного функционирования базисных социальных институтов, сложившегося как негативный промежуточный результат системных трансформационных процессов, является деформированной. Основной деформацией функционирования механизмов социализации следует считать их пробуксовку в отношении реальной подготовки индивида к жизни в обществе, то есть, в конечном счете, неэффективность. Поэтому социализация как процесс активного освоения устойчивых, институционально закреплённых и публично поддерживаемых социальных ценностей и норм вытесняется адаптацией – использованием различных форм приспособления к трансформирующейся социальной реальности для успешного существования в ней. Адаптация для значительной части молодежи формативного периода приобретает имитационную форму.

Возникший в период трансформационной аномии вакуум ценностей стимулировал у многих акторов представления об исчезновении ценностных регламентаций социальной жизнедеятельности как таковых. Это в конечном счете и сделало социализацию в системе образования неэффективной. Радикально изменившаяся социальная среда создает иные критерии социальной успешности и предлагает иные условия для ее достижения. Это ориентирует молодежь на поиск своих собственных способов и форм приспособительного социального поведения, эффективных в конкретной социальной среде. Таким образом, практическое поведение молодежи в современном российском обществе определяется *не ценностно-нормативным содержанием социализации, а разнообразными, используемыми в реальной жизни, формами адаптации*. Одной из таких форм, весьма популярной среди учащейся молодежи, выступает *имитация обучения*. При этом стихийно найденные имитационные формы адаптации к условиям функционирования образовательных учреждений не являются изобретением молодежи, а навязываются принудительной

силой доминирующих в системе образования неформальных норм, регулирующих социальные взаимодействия, иначе говоря негласных «правил игры».

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Статьи из перечня ведущих журналов и изданий ВАК:

1. Красавина Е.В. Социальная имитация: опыт концептуализации понятия // Человеческий капитал (научно-практический журнал) – М., 2011, №5 (29). – 4с. (0,9 п.л.)
2. Красавина Е.В. Профессиональная адаптация российской молодежи условиях рыночной экономики // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. – Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ 2011, №5(20). – 5с. (0,5 п.л.).
3. Красавина Е.В. Методологический смысл понятия «имитация-симулякр» в контексте современных практик социальной адаптации // Человеческий капитал (научно-практический журнал) – М., 2012, №1 (37). – 5с. (0,9 п.л.).
4. Красавина Е.В. Имитация как механизм социальной адаптации российской молодежи: к постановке проблемы исследования // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – Нальчик, 2011, №6(44). – 7с. (0,8 п.л.).
5. Красавина Е.В. Молодежь в фокусе социологического анализа: функциональный и поколенческий подходы // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. – Ростов н/Д., 2011, №6. – 5с. (0,7 п.л.).
6. Красавина Е.В. Социализация молодежи: проблемы и перспективы // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. – Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ 2012, №1(21). – 8с. (0,8 п.л.).
7. Красавина Е.В. «Человек двойственный»: позднесоветская модель социальной адаптации // Человеческий капитал (научно-практический журнал) – М., 2012, №5 (41). – 5с. (0,8).
8. Красавина Е.В. Социализация и адаптация как способы интеграции российской молодежи в социокультурную среду // Научная мысль Кавказа: науч-

ный и общественно-теоретический журнал. Северо-Кавказский научный центр высшей школы ЮФУ. – Ростов-на-Дону, 2012, №2. – 8с. (0,8 п.л.).

9. Красавина Е.В. Проблемы профессиональной адаптации современной российской молодежи // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. – Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ 2012, №2(22). – 6с. (0,7 п.л.).

10. Красавина Е.В. Исследование молодежи как социально-демографической группы в контексте ее культурного развития // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. – Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ 2012, №3(23). – 9с. (0,8 п.л.).

11. Красавина Е.В. Неформальные молодежные группы как формальный способ решения молодежных проблем // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. – Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ 2012, №4(24). – 10с. (0,9 п.л.).

12. Красавина Е.В. Ценности молодежи в современном российском обществе: от социоцентризма к персонцентризму // Северо-Кавказский научный центр высшей школы ЮФУ. Научная мысль Кавказа. – Ростов-на-Дону, 2012, №3. – 8с. (0,6 п.л.).

13. Красавина Е.В. Институциональная среда имитационных практик адаптации // Вестник Адыгейского государственного университета. – Майкоп, 2012, №2. – 8с. (0,6 п.л.)

14. Красавина Е.В. Формы социальной адаптации: имитация-подражание и имитация симулякр // Вестник Московского Государственного университета: серия социология и политология. – Москва, 2012, №4. – 6с. (0,7 п.л.).

15. Красавина Е.В. Теоретико-методологические подходы к определению сущности и основных социальных характеристик молодежи // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. – Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ 2013, №2(28). – 7с. (0,5 п.л.).

16. Красавина Е.В. Вузовские рыночные стратегии // Вестник Адыгейского государственного университета. – Майкоп, 2013, №3. – 8с. (0,6 п.л.)

17. *Красавина Е.В.* Образовательное пространство социализации молодежи // Северо-Кавказский научный центр высшей школы ЮФУ. Научная мысль Кавказа. – Ростов-на-Дону, 2013, №3. – 8с. (0,6 п.л.).

Монографии

1. *Красавина Е.В.* Влияние молодежной субкультуры на адаптационные стратегии студенческой молодежи. – Москва: Изд-во РТА, 2010. (9,1 п.л.).

2. *Красавина Е.В.* Иммитационная форма адаптации молодежи: проблемы методологии социологического исследования (монография) - Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ ВШ ЮФУ, 2012. – С.127. (8 п.л.).

3. *Сологуб В.А., Красавина Е.В.* Образование: имитационные практики молодежи. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2013. (9,8 п.л.).

4. *Красавина Е.В.* Социальная адаптация современной российской молодежи. - Москва: Изд-во РТА, 2013. (9,1 п.л.).

Статьи в сборниках, не рецензируемых ВАК:

1. *Красавина Е.В.* Специфика социальной адаптации студентов (на примере многоуровневой системы) // Вопросы международного сотрудничества в дополнительном профессиональном образовании Южного региона. – Ростов н/Д.: Изд-во РГПУ, 2006. (0,3 п.л.).

2. *Красавина Е.В.* Социокультурные аспекты реформирования отечественной образовательной системы в контексте Болонского процесса // Вопросы международного сотрудничества в дополнительном профессиональном образовании Южного региона. – Ростов н/Д.: ИПО ПИ ЮФУ, 2007. (0,5 п.л.).

3. *Красавина Е.В.* Социокультурные аспекты адаптации молодежи (тезисы) // Тезисы докладов III Всероссийской научной конференции «Сорокинские чтения: Социальные процессы в современной России: традиции и инновации». Москва: КДУ, 2007. Т.3. (0,2 п.л.).

4. *Красавина Е.В.* Теоретико-методологические основы исследования профессионального самоопределения молодежи как фактора социальной адаптации

// Вопросы международного сотрудничества в образовании Южного региона. – Ростов н/Д.: ИПО ПИ ЮФУ, 2008, №1. – 10с. (0,8 п.л.).

5. *Красавина Е.В.* Исследование молодежного экстремизма как крайней формы агрессивного поведения молодежи (на примере неформальных молодежных организаций) // Культура, наука, интеграция (научно-прикладное издание) – Ростов н/Д, 2008, №1. – 9с. (1,4 п.л.).

6. *Красавина Е.В.* Адаптация студенческой молодежи в современных условиях развития общества // Вестник таможенной академии. – М.: 2008, №3. – 5с. (0,3 п.л.).

7. *Красавина Е.В.* Состояние и проблемы государственной поддержки молодежного предпринимательства на федеральном уровне // Вестник Российского государственного торгово-экономического университета – М., 2009, №10 (37). – 7с. (0,9 п.л.).

8. *Красавина Е.В.* Социально-экономические проблемы занятости молодежи в условиях рынка // Юбилейные X Васильевские чтения. Ценности и интересы современного общества. Материалы конференции. Часть 4. – М., 2011. – 8с. (0,5 п.л.).

9. *Красавина Е.В.* Современная молодежь: социализация и образование // Сборник материалов научной конференции «Неделя науки в МГЭИ – 2012». Секция «Гуманитарные проблемы развития современного общества». – М.: МГЭИ, 2012. – 5с. (0,5 п.л.).

10. *Красавина Е.В.* Социализация и социальная адаптация: имитационный механизм // Основные аспекты совершенствования таможенного дела в условиях формирования Единого экономического пространства: сборник материалов Международной научно-практической конференции. М.: Изд-во Российской таможенной академии, 2012. – 4с. (0,4 п.л.).

11. *Красавина Е.В.* Роль имитационного механизма в социализации и социальной адаптации молодежи // Ценности и интересы современного общества. Материалы конференции XI Васильевские чтения. Часть II. М.: Россий-

ский государственный торгово-экономический университет. – М., 2012. – 6с. (0,4 п.л.).

12. Красавина Е.В. Молодежь как социально-демографическая группа: основные подходы к анализу // Ценности и интересы современного общества. Материалы конференции XI Васильевские чтения. Часть III. М.: Российский государственный торгово-экономический университет. – М., 2012. – 10с. (0,5 п.л.).

Красавина Екатерина Валерьевна

**Молодежь в социокультурном пространстве
современной России:
имитационный механизм адаптации**

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора социологических наук**

Подписано в печать 24.09.2013. Бумага типографская №1. Формат бумаги 60х84/16.
Гарнитура Times New Roman. Усл.печ.л. 2,0. Тираж 100 экз. Заказ 302.

Отпечатано: Копировально-издательский центр «Тональ»
г. Ростов-на-Дону, пер. Газетный, 51.
e-mail: tonal-print@yandex.ru